

Арекеева Светлана Тимофеевна, Федорова Любовь Петровна

ТЕМА ВОЙНЫ В УДМУРТСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. ДЕНИСОВА И Д. БАЖЕНОВА)

В настоящей работе анализируются новеллистические тексты удмуртских писателей 20-х гг. XX века, объединенные темой войны. Авторы статьи доказывают, что в произведениях А. Денисова и Д. Баженова события Первой мировой войны интерпретируются двояко. В автобиографическом рассказе "Как я бежал из плена" участника и очевидца событий А. Денисова война представлена в трагическом ключе; в рассказе Д. Баженова "Мы", в котором использован прием солдатских воспоминаний, реализована трагикомическая линия повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 10-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.131-94(470.51)

В настоящей работе анализируются новеллистические тексты удмуртских писателей 20-х гг. XX века, объединенные темой войны. Авторы статьи доказывают, что в произведениях А. Денисова и Д. Баженова события Первой мировой войны интерпретируются двояко. В автобиографическом рассказе «Как я бежал из плена» участника и очевидца событий А. Денисова война представлена в трагическом ключе; в рассказе Д. Баженова «Мы», в котором использован прием солдатских воспоминаний, реализована трагикомическая линия повествования.

Ключевые слова и фразы: удмуртская литература; проза; тема войны; герой-рассказчик; трагическое мироощущение; трагикомическая линия повествования; ирония.

Арекеева Светлана Тимофеевна, к. пед. н., доцент
Федорова Любовь Петровна, к. пед. н., доцент
Удмуртский государственный университет
sveta.arekeeva@gmail.com; liubov.fedorova@gmail.com

ТЕМА ВОЙНЫ В УДМУРТСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКЕ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. ДЕНИСОВА И Д. БАЖЕНОВА)

*Работа проводилась при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта № 16-14-18005.*

В удмуртской новеллистике 20-х годов XX века, как и в иных российских национальных литературах этого периода, заметно актуализируется писательский интерес к теме войны. Своеобразием художественной интерпретации тех грозных исторических событий отличаются автобиографическое повествование А. Денисова «Как я бежал из плена» («Мынам пленясь пегземе», 1919) и рассказ Д. Баженова «Мы» («Ми», 1926), до сих пор не становившиеся объектами аналитического прочтения в региональном литературоведении. В текстах А. Денисова «Как я бежал из плена» и Д. Баженова «Мы» война представлена в восприятии вернувшихся с Первой мировой войны солдат.

В рассказе Алексея Денисова «Как я бежал из плена», имеющем автобиографический характер, повествующий субъект рассказывает о своем пребывании на германском фронте, в плену, о побеге и трудном возвращении на родину в годы Первой мировой войны. А. Денисов в начале своего повествования дает читателю представление о трагическом положении царских войск на Западном фронте: нехватке патронов у русских солдат на передовой; их массовом пленении; обстрелах немцами русских позиций из пулеметов с близкого расстояния. Он упоминает лагерь для военнопленных под Лодзью, где было сосредоточено до десяти тысяч российских узников. Вопреки законам Международного Красного Креста, обессиленных во время этапирования русских пленных немцы убивали, закалывая штыками.

Эмоции, чувства, переживания попавшего в плен и осуществившего бегство из неволи (лагеря) человека, который столкнулся с опасностями, рисковал быть пойманным, переданы в рассказе сверхлаконично. Лишь изредка вырываются скупые признания героя-рассказчика в тоске по родине, когда становится очевидным, что его терпение на исходе: «Время от времени, когда думаешь о побеге, как будто дома оказываешься» [4, с. 9]; «Сердце уже не выдерживает, начало кипеть, места себе не могу найти, так хочется уйти» [Там же, с. 10]. (Здесь и далее подстрочные переводы авторов статьи – С. А., Л. Ф.)

По существу, в воспоминаниях А. Денисова о бегстве из немецкого плена отражены типичные переживания бывших заточенцев концлагерей. Подобное зафиксировано и в рукописной «Песковской летописи» (1926) священником Е. Д. Золотовым из соседней с Удмуртией Пермской губернии (ныне село Верхние Пески Шадринского уезда относится к Курганской области). Церковнослужителя привлек драматизм ситуации: «Зауральский крестьянин, не знавший гнета крепостного права, вдруг оказался в неволе (в Германии, Австрии, Венгрии или Японии), лишенным родных и близких и превращенным в бесправного раба» [5, с. 238]. Собирая воспоминания сельских прихожан, Е. Д. Золотов ставил задачу «показать мужество людей, попавших в экстремальные условия и нашедших в себе силы жить и работать дальше, не потерявших достоинства и самоуважения» [Там же]. Фиксируя в своих записях рассказы бывших узников, он стремился «показать батальные подробности, горечь плена, противопоставленного дому (голод, тяжесть неустроенного быта, труда), раскрыть тип зауральца» [Там же]. Все эти аспекты отразились и в автобиографических записях А. Денисова о своем пленении и странствии по Европе.

В целом, рассказ «Как я бежал из плена» удмуртского писателя А. Денисова – это подлинный человеческий документ, который, с одной стороны, свидетельствует о начальных шагах формирования художественности в удмуртской литературе, с другой, – знаменует силу духа реальных людей, которые, переживая в себе вечный зов родины, преодолев голод, опасности, смогли вернуться домой. В повествовании А. Денисова война осмысливается как трагическое явление: «Такого тяжелого сражения в мире никогда еще не бывало» [4, с. 6].

Другой автор, Дмитрий Баженов, в своем произведении «Мы» использует прием солдатских воспоминаний о войне: каждый из описанных фронтовиков рассказывает близким, односельчанам о пережитом, творя свой собственный миф о войне. По словам В. Гудковой, это тот случай, когда, «обнародуя свежесозданные “мемуары”, они запечатлевают недавнюю большую историю в формах субъективного восприятия» [3, с. 254].

В произведении Д. Баженова бывшие фронтовики делятся своими воспоминаниями, находясь на деревенском поле, где вместе с членами семей участвуют в уборке урожая. Данный пространственный образ актуализирует мысль о том, что солдаты с кровавой «жатвы» вернулись к своей изначальной ипостаси земледельца. Кроме того, именно здесь, на поле, односельчанам открывается, у кого в семью вернулся кормилец-работник, а у кого – нет. Наряду с грустью-печалью в среде овдовевших солдаток, на поле господствует и неудержимое веселье: создается ощущение того, что здесь разворачивается своеобразный площадной карнавал. Демобилизовавшиеся солдаты словно состязаются друг с другом в рассказывании смешных историй. Похоже, что именно через смех они расстаются со своим прошлым, возрождаясь к новой жизни: «А около вернувшегося с войны жнеца целыми днями слышится шум, смех» [2, с. 113]. Поведение бывших ратников можно трактовать как своеобразную форму «переживания психологической травмы при переходе от войны к миру» [6, с. 211].

В произведении Д. Баженова озвучены истории четырех рассказчиков, каждая из которых изначально звучит как байка, в которую окружающим бывает трудно поверить. Рассказывающий настраивает слушающих на трагическую волну, но в результате его жизнеописание звучит ближе к анекдоту, происходит «карнавальное» выворачивание серьезно-высокого [7, с. 233].

Так, один из фронтовиков вспоминает о том, как служил денщиком. Его рассказ начинается со слов: «Война была очень жестокой» [2, с. 115]. Но вместо описания картин боев герой сообщает о том, как он прислуживал офицеру и как тот измывался над ним. Оттого рождается трагикомический эффект несоответствия ожидаемого и реального. Источником комического является разговорный стиль героя, специфическое использование им слов, чужеродных для его языка: например, «копе» вместо «кофе». В центре его рассказа история о том, как однажды он готовил «копе» для офицера и его гостей, используя «переч» и «горчичу». Солдат искренне недоумевает, за что был избит хозяином, и предполагает, что, скорее всего, из-за соли, которую забыл положить в приготовленный напиток. Рассказчик предстает глуповато-наивным простаком, который противоречит традиционному фольклорному образу солдата – умному, смекалистому, превосходящему своими предприимчивыми действиями нечистую силу и смерть.

Другая история звучит из уст солдата Ивана, который вернулся с Первой мировой войны своеобразным «оборотнем», не помнящим своего родного языка. Задавшись целью создания сниженного образа, автор наделяет его выпрненной макаронической речью, представляющей собой смесь неродного русского и «позабытого» удмуртского языков. Суть диалога между Иваном и его односельчанином заключается еще и в том, что собеседник как бы подавливает фронтовика, стремясь уточнить, кем же все-таки он был на войне: кавалеристом, солдатом стрелкового полка, денщиком? Однако Иван не чувствует подвоха и выдает истинное место своей службы в качестве денщика и таким образом разоблачает свой статус «видавшего виды героя». Персонаж «проговаривается» и в языковом плане, т.е. неожиданно вспоминает свой удмуртский язык и, наконец, предстает перед своей женой и земляками в узнаваемом виде. Как нам представляется, автор наталкивает читателя на мысль о том, что война деформирует естество человека, который возвращается из этого пекла с искажением исконно-ментальных черт характера.

Две истории в рассказе «Мы» связаны с непосредственным, лоб в лоб, столкновением героев-рассказчиков с врагом. Так, Тёпан рассказывает о перестрелке с немцем: по его версии, сначала он выстрелил в противника, потом противник – в него. Причем герой делает акцент на том, что, сделав выстрел, немец побежал от него, как заяц. Тёпан показывает рану на ноге. Слушатели, осмотрев характер ранения, делают вывод, что не немец побежал от Тёпана, а Тёпан – от немца, который выстрелил в него сзади. В результате происходит разоблачение хвастливого вояки, снижение его «героического» имиджа.

У Кереня, в отличие от других рассказчиков, нет большого круга слушателей, кроме его семьи. Он проявляет себя как тихий скромный человек, у которого была своя война. Треп, привирание в его ситуации не имеет смысла, поскольку он «исповедуется» близким людям. Тем не менее, история Кереня, может быть, самая неправдоподобная из всех озвученных в рассказе. Это своеобразный апокриф о братании вынужденных воевать друг против друга представителей разных государств, людей разных национальностей. Герой рассказывает о том, как во время разведки встретился с немцем, как они направили ружье друг на друга, какое-то время стояли, что называется, дуло в дуло; первым бросил ружье немец, за ним – герой-рассказчик. Затем идет детальное ретардированное описание того, как они стояли, смотрели друг на друга, молчали, сидели-курили. Наконец герои начали общаться при помощи языка жестов, рассказали друг другу о своих семьях, об общих врагах – «толстопузых» богатеях. Показателем взаимопонимания героев, единства их взглядов является обмен немецким портсигаром и удмуртским кисетом. Как рассказывает Керень, напоследок они обнялись и расцеловались. Народная версия братания звучит как индивидуальная история, когда конкретный солдат-удмурт встретился с конкретным немцем. Неслучайно Керень многократно повторяет

«немец» – «мой немец». Здесь мы не встречаем типичный образ жестокого чужеземца. Немецкий солдат – равный по миролюбивому мировосприятию человек, они оба крестьяне, оба имеют семью, оба не желают войны и кровопролития. История продолжена и усилена такой повествовательной деталью, когда впоследствии именно портсигар германца спасает Кереня от гибели: «Только благодаря подаренному немцем портсигару пуля не попала в сердце» [Там же, с. 117]. Более того, именно немец, «враг», открыл ему глаза на жизнь, на социальное неравенство: «Богатеям, царю перестал верить» [Там же].

Как бы ни казалась сказочной данная история, документальные материалы подтверждают действительный факт братания солдат во время германской войны. В одном из писем фронтовиков описана следующая ситуация: «В Новый год вылезают на окоп штук 16 немцев; вылезают и наших 8 чел. и немцы зовут наших к себе. Пошли... 5 чел., вернулись пьяными, но дошли... 1 приполз на четвереньках пьяный же, а двое вернулись только на другой день утром, проспавшись» [8, с. 67]. А. Б. Асташов пишет: «Братания происходили в основном на Юго-Западном фронте, т.е. с православными в своем большинстве солдатами австрийской армии. Здесь проявлялась симптоматичная для крестьянского менталитета неспособность долго соперничать с врагом-соседом, стремление скорее пойти на мировую, даже простить его. Порою братание в этом случае представляло собой смесь религиозного прозрения со сценами всепрощения, с рукопожатиями, слезами и “целованиями от радости”» [1, с. 80]. Возможно, Д. Баженову были известны подобные факты, и он имел их в виду при описании своих героев. По крайней мере, ни в одной из историй, рассказанных героями рассказа «Мы», не встречается образ ненавистного врага-германца. Характеризуя книгу З. Федорченко «Народ на войне», Е. А. Подшивалова пишет о подобной ситуации: «По отношению к врагу в первой книге складывается сложное чувство. Оно не исчерпывается ненавистью. <...> Враг вызывает интерес в качестве человека другой культуры, в качестве представителя иноземного государства» [6, с. 203].

Как можно заметить, в рассказе герои дифференцированы между собой по социальному принципу: горемычные бедняки типа Кереня (а имя его переводится с удмуртского как горький хрен) реально видели тяготы войны, но не кричат об этом; богатые рассказывают о войне громко, но формы их участия в ней вызывают осуждение и смех.

В финальной части рассказа Д. Баженов показывает, как накаляются отношения между бывшими фронтовиками, переходя в стадию классовой борьбы и гражданской войны. Таким образом, композиция рассказа Д. Баженова в «свернутом» виде напоминает структуру романа З. Федорченко «Народ на войне». «Три книги, на которые разделено произведение, изображают меняющийся характер войны как некоего нового состояния мира, в котором вынужден проявлять себя герой, – пишет Е. А. Подшивалова. – В первой книге это война с внешним врагом, во второй – классовая война, в третьей – братоубийственная бойня» [Там же, с. 200].

Очевидно и то, что в произведении Д. Баженова наблюдается недопонимание между рассказчиками и слушателями, имеющими разный опыт жизни. Тыловики разоблачают привирающих фронтовиков, вчерашние солдаты остро реагируют на замечания не нюхавших пороха односельчан, что вызывает перепалку и потасовку между ними.

Рассказы-воспоминания солдат, не пренебрегающих преувеличениями, действительно звучат на грани правды и вымысла. Истина в том, что они реально были на войне и каждый вынес с нее свои страдания. Денщик пережил унижения, издевательства со стороны офицера. Солдат Иван пострадал из-за незнания русского языка. Война – это не только стрельба, это еще и языковые муки, говорит автор, герои которого, втянутые в пекло войны, попали в трудную ситуацию коммуникации. Окопный страдалец Керень пришел с войны с тяжким кашлем и ранением навзлет в грудь. Хвастливый Тёпан (пусть и убегая от противника) получил реальное ранение в ногу.

В названии рассказа «Мы», с одной стороны, проявляется позиция автора-повествователя, обобщающего голоса участников войны, дифференцированных в самом тексте. С другой стороны, неоднократно звучащее в тексте высказывание «Мы за свободу страдали» принадлежит участникам войны, рассчитывающим на привилегии и претендующим на власть в своем социуме. Следовательно, «мы» – это некое братство фронтовиков.

Таким образом, в изображении Первой мировой войны А. Денисовым и Д. Баженовым концептуализируются разные подходы. Для А. Денисова, очевидца трагических событий, разыгравшихся на карте Европы в 1914-1918 годах, война однозначно предстает как бедствие и безысходность. В повествовании Д. Баженова, знавшего о той войне с позиций временной и пространственной дистанцированности, в его рассказе «Мы» реальные трагические события мировой бойни оказываются представлены в ином, чисто умозрительном, ключе. Нарочито прибегая к иронии и гротеску в трактовке образов, он сознательно использует прием развенчания персонажей, их дегероизации и реализует трагикомическую линию повествования.

Список литературы

1. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72-86.
2. Баженов Д. И. Ми (Мы) // Сюрес вожын (На перекрестке дорог): сб. рассказов 1919-1935-х гг. / авт.-сост. С. Т. Аркееева. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. С. 113-119. (на удмурт. яз.).
3. Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 456 с.
4. Денисов А. Мынам пленсь пегземе (Как я бежал из плена) // «Кылёз лёгем но пытымы...» («Мы след оставим на земле...»): хрестоматия-практикум по удмуртской литературе (1918-1935-е гг.) / авт.-сост.: С. Т. Аркееева, Г. А. Глухова. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 6-14. (на удмурт. яз.).

5. Колесниченко Е. Н. Типология мотивов рассказов военнопленных: к проблеме жанровой идентификации (по «Псковской летописи») Е. Д. Золотова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 235-246.
6. Подшивалова Е. А. Лекции по русской литературе 1920-1930-х годов. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. Ч. 1. Революция и гражданская война в художественном сознании современников; Проблема пролетарской культуры в эстетических спорах 1920-х годов. 265 с.
7. Семенова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова: от поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 352 с.
8. Удмуртия в период первой мировой войны, 1914-1918: сб. документов / сост.: М. А. Микрюкова, Н. А. Красильникова, К. И. Куликов [и др.]. Ижевск, 2006. 300 с.

**THE THEME OF WAR IN THE UDMURT SHORT STORY WRITINGS OF THE 1920S
(BY THE MATERIAL OF STORIES OF A. DENISOV AND D. BAZHENOV)**

Arekeeva Svetlana Timofeevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Fedorova Lyubov' Petrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Udmurt State University
sveta.arekeeva@gmail.com; liubov.fedorova@gmail.com

The article analyzes the short story texts of the Udmurt writers of the 20s of the XX century, united by the war theme. The authors prove that the events of the World War I are interpreted differently in the works by A. Denisov and D. Bazhenov. In the autobiographical story "As I Escaped from Captivity" by A. Denisov, the participant and witness of events, the war is presented in the tragic aspect; in the story by D. Bazhenov "We", in which the technique of soldiers' recollections is used, the tragicomic story line is realized.

Key words and phrases: the Udmurt literature; prose; war theme; character-narrator; tragic attitude to the world; tragicomic story line; irony.

УДК 821.161.1

В статье проанализирована тема любви в стихотворном сборнике А. И. Солженицына «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» (1947-1953). Рассмотрены традиционные для классической русской литературы средства создания образов женщин в соотношении с принципами художественной эстетики А. И. Солженицына. Показаны новаторские приемы в раскрытии темы любви. Определены особенности стихосложения ранней поэзии писателя. Выявлены тематические связи лагерной поэзии с прозаическим творчеством А. И. Солженицына.

Ключевые слова и фразы: поэтический сборник «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» А. И. Солженицына; тема любви; образы женщин; миропредставление лирических героев; ритм и размер ранних стихов писателя; русский национальный характер в поэзии и прозе А. И. Солженицына.

Бай Ян

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
missingapril@yeah.net*

ПОЭТИКА ЛЮБВИ В ЛАГЕРНЫХ СТИХАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Изучение творчества А. И. Солженицына, активизировавшееся со второй половины 1980-х годов в связи с публикацией произведений писателя в России, отражено в немалом количестве трудов. Достижения современного отечественного и зарубежного солженицыноведения закреплены в работах Ж. Нива, Л. И. Сараскиной, А. В. Урманова, Н. М. Щедриной и других [5; 8; 14; 15]. Большинство исследований посвящено анализу прозаических произведений писателя. Ранние же стихотворные опыты А. И. Солженицына пока, к сожалению, не вошли в активный читательский и исследовательский оборот, что связано с трудной судьбой написания и опубликования произведений. Впервые поэма «Дороженька» и сборник «Тюремные – лагерные – ссыльные стихи» вместе с неоконченной повестью «Люби революцию» и очерком «Протеревши глаза» были напечатаны в сборнике «Протеревши глаза» (1999) [12]. Есть издание и 2004 года с названием самой поэмы «Дороженька» [10]. Имеется электронный общедоступный вариант поэтических произведений А. И. Солженицына [7]. Стихи не входят в абсолютное большинство собраний сочинений писателя.

Только несколько работ на сегодняшний день посвящены рассмотрению различных аспектов стихотворной деятельности писателя [1; 2; 4; 6]. Становится все более очевидным, что поэзию необходимо рассматривать как часть единого творческого процесса, как звено в огромной цепи художественного мира А. И. Солженицына. Эти стихи во многом стали идейно-художественным истоком творчества писателя. Целостную картину наследия Солженицына без этой части его творчества уже невозможно представить.

Цель данной работы – определить основные приемы раскрытия любовной тематики и связанных с ней женских образов. В статье рассматриваются приемы создания писателем женских образов в поэтических произведениях 1947-1953 годов, особенности раскрытия темы любви. Эти аспекты позволяют уточнить способы воплощения национального характера в творчестве А. И. Солженицына.